

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Исторический факультет

На правах рукописи

Смирнова Ирина Владимировна

**МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКИХ
СОЛДАТ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1914-1918 ГГ.**

Раздел 07.00.00. – исторические науки

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2011

Диссертация выполнена на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук,
доцент

Соловьев Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Остапенко Галина Сергеевна

кандидат исторических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета

Сенокосов Алексей Георгиевич

Ведущая организация:

Высшая школа экономики

Защита диссертации состоится “23” ноября 2011 г. в 16 часов на заседании Диссертационного совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет, 4 этаж, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан “21” октября 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,

кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Первая мировая война открыла эпоху «новых войн». Еще со второй половины XIX в. начал меняться характер комплектования армий. У таких армий иная психология – они гораздо менее устойчивы психически, чем рекруты и наемники. Войны и сражения армий превратились в войны народов, больших масс людей.

Ранее исход боя зависел от того, как хорошо стреляет, колет, рубит, держит строй, едет верхом и т.д. отдельный солдат (чем лучше солдат, тем лучше армия). Теперь каждый отдельный солдат становился менее важен, в этих условиях ему отводилась роль «пушечного мяса». Важно было лишь количество воинов, которым государство может пожертвовать ради победы.

Ходом событий каждая из стран вынуждалась к мобилизации максимально возможного числа мужчин. Это меняло саму суть армии. Если до Первой мировой войны британская армия была резко отделена от общества, то «Новая армия», появившаяся благодаря добровольному набору и введению всеобщей воинской повинности, стала повторением структуры общества, была его своеобразной копией. Однако, в экстремальных военных условиях социальные различия между солдатами во многом стирались, переставали быть сколько-нибудь значимыми, на первый план выходили простейшие инстинкты выживания и агрессии.

Тема исследования представляется **актуальной**. Многие факторы психо-физического состояния войск впервые проявились в Первую мировую войну, поэтому понимание этих особенностей важно для оценки их роли в современных военных конфликтах. В качестве примера стоит упомянуть «вьетнамский синдром» в Соединенных Штатах, появившийся, когда мировая сверхдержава фактически проиграла малому государству. Россия также пострадала из-за недооценки важности для общества «малых войн», что привело к формированию «афганского», а затем и «чеченского» синдромов.

С актуальностью исследования тесно связана и его **научная значимость**: оно важно для понимания механизмов формирования психо-физического состояния комбатантов в условиях войны современного типа, с которой человечество впервые столкнулось именно в 1914-1918 гг. Тогда многие факторы ведения военных

действий, как и реакции на них, впервые проявились в большом масштабе. Поскольку проблематика работы затрагивает и другие науки, диссертация может способствовать обогащению смежных дисциплин.

Цель исследования – оценить влияние участия в войне нового типа на человеческую личность. Для этого необходимо исследовать формирование морально-психологического состояния британских солдат и динамику его трансформации в условиях Первой мировой войны. Исходя из поставленной цели, в диссертации будут сформулированы следующие **задачи**.

- Проанализировать мотивы, которыми руководствовались солдаты, отправляясь на фронт, а также изменение мотивации в военных условиях;
- Выявить, как влияло пребывание на фронте на представления комбатантов о войне, и какие факторы наиболее эффективно вытесняли пропагандистские образы;
- Проследить за адаптацией солдата к военным условиям: как именно он выживал на войне, находясь в изначально чуждой для себя обстановке;
- Исследовать динамику развития британской армии, особенности ее адаптации к условиям новой войны;
- Рассмотреть изменение отношения комбатантов к войне в 1914-1918 гг.

Главным объектом данного исследования является британская армия на Западном фронте, а **предметом** – морально-психологическое состояние комбатантов в период Первой мировой войны: британский солдат (сам по себе и в коллективе), условия его существования, чувства и эмоции. Мы покажем войну глазами ее участников, поэтому главным источником будут документы личного происхождения: письма, дневники, воспоминания.

Хронологические рамки работы охватывают весь период войны, с 4 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г., что позволяет проследить динамику на протяжении всего конфликта. В центре внимания будут находиться события, происходящие, в первую очередь, на Западном фронте (т.е. на территории Франции и Бельгии) и на Британских островах.

Необходимо подчеркнуть общий конкретно-исторический характер исследования; его междисциплинарность (находится на стыке истории, психологии

и социологии), требующую не только использования методов смежных дисциплин, но и их синтеза при главенстве исторических методов; динамический характер изучаемого явления; субъективный характер источниковой базы. Это определило выбор методологии.

Использование методов и подходов таких наук, как социология и психология позволяет рассматривать вопросы, которые не свойственны истории.

Историко-генетический метод ориентирован на исследование динамических процессов, позволяя рассматривать причины их становления и условия развития. Историко-сравнительный метод предполагает раскрытие сущности изучаемых объектов как по сходству, так и по различию свойств. В нашей работе можно выделить несколько объектов для сравнения: профессиональная и гражданская армия; усилия пропаганды и реальные мотивы солдат, отправлявшихся на фронт, и многое другое. Его дополняет историко-типологический метод, который раскрывает сущность явления посредством выделения типов объектов по совокупности качеств и признаков: например, можно выявить различия в морально-психологическом состоянии солдат различных лет вступления в вооруженные силы. Ему близок историко-системный метод: он позволяет изучить формирование и динамику развития британской армии во время Первой мировой войны. А микроисторический анализ позволяет через малое и частное прийти к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, посредством рассказа о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни общества, которые были бы искажены во время обобщения.

Изучение субъективной реальности, какой являются психологические явления и феномены, возможно главным образом на основе субъективных источников. Поэтому большое значение имеет весь арсенал собственно источниковедческих методов, которые используются при проверке достоверности и репрезентативности источников.

Ряд методов и подходов социальной истории может быть успешно применен при изучении историко-психологических явлений. Например, на основе «психологической герменевтики» В. Дильтея¹ строится метод психологического

¹ Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.

реконструирования, когда исследователь, используя источник, воссоздает историческую обстановку, в которой он появился. Категория «пограничной ситуации», разработанная в экзистенциальной философии М. Хайдеггера и К. Ясперса², применима к анализу поведенческих реакций человека в экстремальных условиях. Из психологических концепций для наших целей также имеют значение идеи течений и школ, занимавшихся изучением мотивации и психологии «бессознательного».

В отечественной исторической литературе не много исследований по данной проблематике. Большинство работ иностранных специалистов затрагивают определенный период боевых действий, рассматривают войну, как статичное явление, не прослеживая изменений, произошедших за более чем четырехлетний конфликт, или акцентируют внимание на конкретном аспекте. Данное исследование – это попытка проследить трансформацию сознания комбатанта в течение всей войны для получения целостной картины развития его психического состояния. Комплексный характер работы во многом определяет и ее **научную новизну**.

Источниковая база исследования.

Особенности проблематики работы потребовали обращения прежде всего к субъективным источникам: документам личного происхождения, а также художественной литературе и визуальным агитационным материалам. Конечно, при работе над темой были использованы и другие типы источников: официальные документы и публицистика.

Война определяла жизнь как гражданских, так и военных, поэтому является центральным стержнем всех источников личного происхождения. Ниже хотелось бы подробнее остановиться на трех основных типах источников личного происхождения (письма, дневники, воспоминания) и в данном случае родственной им художественной литературе, где авторами стали участники войны или наблюдатели. Всем им свойственна крайняя степень субъективности, однако стоит выделить особенности источниковедческого анализа каждой категории.

² М. Хайдеггер. Бытие и время. Тбилиси, 1989; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

При работе с письмами необходимо учитывать ряд аспектов, в первую очередь, личность адресата: от этого зависит искренность послания, а также характер написанного. Например, солдат может быть более искренен в проявлении чувств с ближайшими родственниками. Но при этом он может смягчать описание увиденного и пережитого, щадя чувства родных. Некоторые источники дают возможность сравнить письма, отправленные разным адресатам. Уникальной в своем роде является коллекция писем Веры Бриттан и четырех участников военных действий, близких ей людей³. К сожалению, не все коллекции писем позволяют точно установить адресата. Необходимо отметить особенность именно фронтовых писем: они просматривались цензурой, что ограничивало возможность свободного высказывания собственных мыслей. Однако, многие офицеры (главные цензоры фронта) ограничивались простым вычеркиванием названий населенных пунктов и упоминаний войсковых частей. Солдаты об этом знали, поэтому эпистолярный жанр можно считать искренним и достоверным.

Дневники, также как и письма, не очень многочисленны, особенно на первом этапе войны, в котором участвовали регулярные войска. Количество дневников увеличивается по мере появления на фронте «китченеровских полков» - добровольцев, набранных из гражданских лиц. В отличие от писем, в дневниках мы можем рассчитывать на большую степень откровенности, но им не хватает их эмоциональности.

Наиболее интересными являются документы, охватывающие большой промежуток времени – публикации собрания писем одного автора или дневников с минимальными сокращениями⁴. Сохранность первых значительно хуже, этим обусловлено их небольшое количество. При написании диссертации также использовались антологии, составленные из отдельных писем и фрагментов дневников⁵. Большинство редакторов в качестве принципа отбора указывают качество сохранности источников и их проблематику.

³ Letters from the Lost Generation. Boston, 1999.

⁴ Напр.: Howkings F. From Ypres to Cambrai. Morley, 1974; Sassoon S. Siegfried Sassoon Diary. L., 1983; So this Was War. L., 1930.

⁵ Напр.: Houseman L. War Letters of Fallen Englishmen. L., 1930; Letters from the Front. L., 1973; God on Our Side. L., 1983.

Одна из ключевых особенностей воспоминаний состоит в том, что они написаны по прошествии достаточно длительного промежутка времени. Несмотря на то, что ретроспективное восприятие военного опыта нередко отличается яркостью и подробностью, отношение автора ко многим вещам могло сильно измениться, даже если он этого не осознает. Однако они представляют наиболее обширную группу источников, как среди наблюдателей (военных корреспондентов, штабных офицеров и т.д.)⁶, так и непосредственно солдат⁷.

К ним достаточно близки художественные произведения, написанные участниками событий⁸. С источниковедческой точки зрения для них характерны максимальная степень субъективности, а также вымысел и фантазия. На военный опыт накладывается и восприятие послевоенных лет. При этом писателям свойственно подчеркивание типического, они улавливают «тенденции времени». Вместе с тем описание собственно фронтовой жизни у непосредственных участников весьма достоверно.

Ценны также документы личного происхождения, созданные гражданскими лицами в Великобритании. Многие жители Англии, ведя дневники и собирая вырезки из газет, составили «мозаичную» картину жизни страны в годы Первой мировой войны⁹. Эти записи целесообразно использовать для рассмотрения усилий пропаганды того периода, поскольку они показывают не только то, на что обращала внимание пресса, данные источники отражают то, как пропаганда воспринималось британцами, что они считали наиболее важным. В этом смысле субъективная информация о напечатанном в средствах массовой информации представляется более ценной, чем собственно материалы прессы.

⁶ Swinton E.D. Eyewitness. L., 1932; Gibbs Ph.H. The Soul of the War. L., 1917; Idem. The Battles of the Somme. L., 1917; Idem. Open Warfare. The Way to Victory. L., 1919; Idem. Realities of War. L., 1920; Myers C. Shellshock in France. Cambridge, 1940; Fuller J.F.C. Memoirs of an Unconventional Soldier. L., 1936.

⁷ Напр.: Richards F. Old Soldiers Never Die. L., 1964; Hiscock E. The Bells of Hell go ting-a-ling-a-ling. L., 1976; Haslam A.D. Cannon Fodder. L., 1938; Adams B. Nothing of Importance. L., 1917; Rassel A. The Machine Gunner. Warwick, 1977; Gladden N. The Somme. A Personal Account. L., 1974; Crutchley Ch. E. Machine-gunner. 1914-1918. Baily, 1975 и другие.

⁸ Олдингтон П. Смерть героя. М., 1967; Graves R. Goodbye to All That. L., 1929; Williamson H. The Wet Flanders Plain. L., 1927; Brittain V. The Testament of Youth. L., 1967; Sassoon S. Memoirs of a Fox-Hunting Man. L., 1929; Idem. Memoirs of an Infantry Officer; L., 1930. Idem. Sherston's Progress. L., 1931.

⁹ Напр.: Clark A. Echoes of the Great War. Oxford, 1985; Playne C.E. Society at War. 1914-1916. L., 1931; Peel C.S. How We Lived Then. 1914-1918. A Sketch of Social and Domestic Life in England during the War. L., 1929; Willis I.C. England's Holy War. The Study of English Liberal Idealism during the Great War. N.Y., 1928; Street G.S. At Home in the War. L., 191-.

Официальная документация в большинстве случаев содержит в основном статистические данные, представляя собой отчеты различных комитетов и департаментов. Также к ним стоит отнести речи представителей властных органов. Они отражают динамику изменения отношения к войне и то, какие аспекты конфликта выходили на первый план в разные отрезки времени¹⁰.

Настроения политиков и интеллигенции отражены в публицистике: брошюрах, эссе, статьях. В 1914-1915 гг. видные общественные деятели поддержали начало войны, приводя аргументы в пользу участия в конфликте¹¹. Данные источники отличаются эмоциональностью изложения, субъективностью и определенной политической направленностью; у большинства из них была общая цель издания – мобилизовать нацию перед лицом развивающегося конфликта.

При изучении работы пропаганды нельзя обойтись без материалов наглядной агитации. Военные плакаты разных стран представлены в книге Г.А. Боркана¹². Также источником визуального материала могут служить многочисленные иллюстрации сборников источников по Первой мировой войне, где представлены не только письма, дневники и официальные документы, но и плакаты и фотографии.

Отдельно стоит охарактеризовать антологии¹³. Это не просто подборки документов, они включают разнообразные типы источников: от фотографий и плакатов до писем и воспоминаний. Они представляют собой историю войны словами современников, мозаику из картинок, фрагментов и вырезок. Принципом отбора материалов чаще всего служат их сохранность, уникальность, привлекательность для читателей. Подавляющее большинство документов публикуется впервые, а редакторы собирают свои коллекции десятилетиями.

¹⁰ Asquith H.H. How Do We Stand Today? A Speech on 2 November 1915. L., 1915; Asquith H.H. The War: Its Causes and Messages. Speeches on August-October. L., 1914; British Prime Minister's Address to Parliament, 6 August 1914. Source Records of the Great War, Vol. I, ed. Charles F. Horne, National Alumni 1923. (Цит. по www.firstworldwar.com/source/asquithspeechtoparliament.htm); Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Через ужасы к победе. Пг., 1916 г.

¹¹ Например: Уэллс Г.Дж. Война против войны. М., 1915; Roberts R. Are We Worth Fighting for? Oxford, 1915; Russell G.W.E. The Spirit of England. L., 1915; Prothero G.W. Our Duty and Our Interest in War. L., 1914; Why We Are at War? Great Britain's Case. Oxford, 1914; Brailsford H.N. Belgium and "The Scrap of Paper". L., 1915; Лодж О. Война и что будет дальше. М., 1916;

¹² Borkan G.A. World War I Posters. Atglen, 2002.

¹³ Little P.H. Voices of War: Front Line and Home Front. L., 1988; Macdonald L. 1914. L., 1996. Idem. 1915: The Death of Innocence. L., 2000. Idem. 1914-1918: Voices and Images of War. L., 1988. Idem. They Called It Passchendaele. L., 2003; Brown M. Tommy Goes to War. L., 1978; Idem. The Imperial War Museum Book of Western Front. L., 2001.

Степень изученности проблемы

Первая мировая война, ставшая огромным потрясением для мирового сообщества, является одной из приоритетных тем для многих ученых. В силу междисциплинарного характера проблемы, исследования, в той или иной степени ее затрагивающие, принадлежат к нескольким наукам: истории, психологии, социологии, в частности, к военным их отраслям.

Самой «старой» и «заслуженной» среди вышеперечисленных дисциплин является история, она же позже всех начала изучение «человека воюющего». Социология и психология ненамного старше участников Первой мировой войны и развивались параллельно и во многом на основе полученного в страшном конфликте опыта. Война стала мощным стимулом для дальнейшего развития социальных наук. «Властители умов» тогдашнего общества призывали исследовать не только поступки людей, но и их мотивы, более того, на сцену выходит сам человек. Мощнейший импульс получают социология, психология и т.д. Меняется само отношение к этим наукам.

Военная психология как самостоятельная отрасль знания возникла в конце XIX – начале XX века почти одновременно во Франции, Германии, Англии, США и России. Один из российских основоположников изучения боевого опыта, ординарный профессор Генерального штаба полковник Н.Н. Головин настаивал на создании специальной науки - «социологии войны», при этом его идеал скорее можно характеризовать как военную психологию¹⁴.

Групповое, коллективное настроение привлекало внимание многих крупных ученых, пытавшихся построить науку о социальной психологии, в частности В.М. Бехтерева. При этом главный акцент делался на импульсивности, динамичности, изменчивости настроений, их колебаний, способности к быстрому перерастанию в действие, и применительно к аморфной массе людей¹⁵.

Труд Г. Лебона «Психология народов и толпы», ставший основой для изучения поведения человеческих масс, вышел в 1898 г. Автор остановился на рассмотрении двух крупных «единиц» социологической науки: народе и толпе, выделяя их особенности, характерные черты и модели поведения в определенных

¹⁴ Головин Н.Н. Исследование боя СПб., 1907; Он же. Наука о войне. Париж, 1938.

¹⁵ Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М., 1982. С. 45.

ситуациях¹⁶. Интерес к такому феномену как толпа проявлял и Уильям МакДугал¹⁷. Несмотря на эти работы, широко признанные современниками, психологи долгое время игнорировали социальный контекст, утверждая, что то, что люди делают в группах, может быть объяснено в терминах индивидуального поведения.

В годы Второй мировой войны и после нее вопрос психологического состояния солдат стал еще более актуален. Были опубликованы работы профессора Бирмингемского университета С. Валентайна и военного психолога Н. Коупленда в 1944 г., имевшие скорее методический характер¹⁸. В числе значительных исследований можно назвать работу известного автора 60-х гг. XX в. Т. Шибутани «Социальная психология», в которой он стремился показать бытие индивида в группе с точки зрения его поведенческих мотивов, взятых в динамике¹⁹.

Морально-психологическое состояние долгое время не было предметом пристального внимания историков. Чаще всего затрагивались внутри-и внешне-политические вопросы этого периода²⁰, а также военные действия и использовавшееся в ходе них оружие, события, непосредственно предшествовавшие войне и за ней последовавшие²¹. Британский опыт организации пропаганды также привлекал внимание исследователей²².

Социальные аспекты войны наиболее широко затрагивает А. Марвик²³ в книге «Потоп». Главной целью его работы является определение причин и последствий социальных перемен. Схожей тематикой занимается российский исследователь М.А. Обланкова, которая в качестве поворотного года в сознании британцев указывает 1915 г. Автор применяет одинаковые этапы изменения сознания как к тылу, так и к фронту, причем указывая одни и те же сроки. Уже к 1915 г. она говорит о преобладании идеи «мира любой ценой».

¹⁶ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 1993.

¹⁷ McDougall W. Introduction to Social Psychology. L., 1908; Idem. The group mind. Oxford, 1920.

¹⁸ Valentine C.W. The Human Factor in the Army. Aldershot, 1943; Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1991.

¹⁹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

²⁰ Например: Tailor A.J.P. English history 1914-1945. L., 1964; Woodward L. Great Britain and the Great War. L., 1968.

²¹ Например: Мировые войны XX века. Тт. 1-4. М., 2002-2005; Cruttwell C.R.M.F. A History of the Great War. L., 1982; Daniels D. World War I. An Illustrated History. L., 1971; Dooly W.G. Great Weapons of World War I. N.Y., 1969; Great Battles of the XX-th Century. Album. L., 1977; Tanks and Weapons of the World War I. L., 1973.

²² Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War I. Cambridge, 1971; Haste C. Keep the home-fires burning. L., 1977; Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda in the First World War. L., 1982; Reeves N. Official British Film Propaganda during the First World War. L., 1986.

²³ Marwick A. The Deluge. L., 1965.

Социальной проблематикой занимался кембриджский ученый Джей Уинтер. Для него тот факт, что Британия обладает «наверное, наиболее дисциплинированным рабочим классом в мире», стал причиной послушания и надежности Британского экспедиционного корпуса. Его книга «Великая война и британский народ»²⁴ посвящена демографии. В издании «Опыт Первой мировой войны»²⁵ он показал нам войну с точки зрения политиков, военачальников и солдат (отдельно), разделив ее на четыре периода. Непосредственно «солдатской» проблематике посвящена книга «Обреченные на смерть»²⁶, где автор рассматривает различные стороны фронтовой жизни непосредственных участников конфликта, начиная с мотивов вступления в ряды вооруженных сил. «Окопной жизни» посвящены и работы некоторых других исследователей: Дж. Эллис («По уши в аду»²⁷), Э. Ллойд («Война в окопах»²⁸), Ричард Холмс («Томми: британский солдат на Западном фронте. 1914-1918»²⁹).

В отдельное направление можно выделить исследование мифологизации войны. Каждое крупное историческое событие неизменно обрастает мифами и легендами, далеко не всегда имеющими отношение к реальности. П. Фассел и Г.Л. Моссе анализировали эти «мифы войны» и то, как они появлялись³⁰.

Также ученые изучают динамику конфликта и ведения боев, чтобы объяснить, почему солдаты были готовы сражаться. Известный военный историк Джон Киган был первым, кто развил этот подход, когда анализировал факторы, которые двигали солдатами «китченеровских полков» 1 июля 1916 г.³¹

Многие ученые, объясняя стойкость сопротивления армий во время Первой мировой войны, подчеркивают роль военных институтов. Исследованию такого «феномена» как британский офицер посвящена работа Е.С. Тернера «Галантный джентльмен»³². О мало изученной стороне конфликта можно узнать из книги

²⁴ Winter D.M. The Great War and the British People. Cambridge, 1986.

²⁵ Idem. The Experience of World War I. Oxford, 1988.

²⁶ Idem. Death's Men. Harmondsworth, 1979.

²⁷ Ellis J. Eye-Deep in Hell. L., 1977.

²⁸ Lloyd A. The War in the Trenches. L., 1976.

²⁹ Holmes R. Tommy: The British Soldier on the Western Front. 1914-1918. L., 2005.

³⁰ Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford, 2000; Mosse G.L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990.

³¹ Киган Дж. Первая мировая война. М., 2002.

³² Turner E.S. Gallant Gentleman. A Portrait of a British Officer. 1600-1956. L., 1957.

«Неизвестная армия»³³. Она повествует о восстаниях, мятежах и других формах недовольства существующим в армии положением дел. Влиянию войны на сам институт армии посвящен сборник статей «Нация во всеоружии»³⁴. Одним из первых вопрос о «китченеровских полках» поднял Виктор Джермейнс³⁵. Его книга рассказывает их историю от формирования до битвы на Сомме, поля боя ставшего могилой для многих из них.

Однако многие исследователи предпочитают объяснять морально-психологическую устойчивость войск социальными причинами: импровизированной природы Британского экспедиционного корпуса, гражданской сущностью его солдат и многим другим. Например, Александр Уотсон в своей книге «Пережить Великую войну» приходит к выводу, что знание о страхах, мотивации, механизмах психологической защиты и стратегии адаптации может не только объяснить, почему воин мог и хотел сражаться столь отчаянно и так долго, но и почему некоторые военные институты были эффективны, а другие нет³⁶.

Одним из важнейших вопросов при изучении морально-психологического состояния солдат является военный невроз. П. Лизи посвятил этому свою монографию, исследуя различные аспекты феномена, более известного как «снарядный шок»: от его обнаружения и методов лечения до отношения командования и самих солдат к диагнозу³⁷. Джоанна Бурк писала о «снарядном шоке» среди ирландцев, изучая механизмы компенсации, которые могли предотвратить коллапс³⁸. Джессика Мейерс, аспирантка Кембриджского университета, писала о его влиянии на английский идеал «мужественности», предполагавший самоконтроль, мужество и чувство долга, не сочетавшиеся со «снарядным шоком»³⁹.

В отечественной историографии историческая психология оказалась в числе наименее разработанных проблем. Исключение составят лишь труды Б.Ф.

³³ Gill D., Dallas G. The Unknown Army. L., 1985.

³⁴ Nation in Arms. Manchester, 1985.

³⁵ Germaines V.W. The Kitchner Armies. The Story of a National Achievement. L., 1930.

³⁶ Watson A. Enduring the Great War. Cambridge, 2008.

³⁷ Leese P. Shell-Shock. Traumatic Neuroses and the British soldiers of the First World War. Basingstock, 2002.

³⁸ Bourke J. Shell-Shock, Psychiatry and the Irish Soldiers//Ireland and the Great War. Manchester, 2002.

³⁹ Meyers J. Gladder to Be Going out Than Afraid: Shell-shock and the Heroic Masculinity in Britain. 1914-1919//Uncovered Fields. Boston, 2004.

Поршнева⁴⁰. В них он рассуждает о поведении толпы, критикуя Лебона, Тарда и Сигеле с классовых позиций.

Отказ от политизированной концепции и обращение к новой методологии позволило по-иному взглянуть и на проблемы Первой мировой войны. Несомненную методологическую ценность имеют новые российские исследования в области военно-исторической антропологии и военной психологии. Они, в основном, затрагивают опыт российских комбатантов XX в. Крупнейшим специалистом в этой области является Е.С. Сеньявская, автор нескольких монографий и множества статей, одной из первых занявшаяся исследованием изучением военной антропологии⁴¹.

Также можно отметить статьи В.В. Миронова «Механизм адаптации фронтовиков к экстремальной обстановке в годы Первой мировой войны»⁴², Л.В. Жуковой «Путь на войну»⁴³, С.А. Козлова «Звуки войны»⁴⁴.

Российским автором, который исследует близкие к данной работе вопросы, является Ю.Ю. Хмелевская. В своей диссертационной работе «Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии»⁴⁵ она оценивает влияние традиционных идей и «национального характера» англичан на их восприятие войны. Статья «Британия в 1914-1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации» посвящена социальному составу армии и «гражданскому опыту» различных социальных групп, перенесенному в военные условия. Автор делает вывод, что они составили «более чем благоприятный материал для воинских структур»⁴⁶. В своих работах исследователь акцентировала

⁴⁰ Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Он же. История и психология. М., 1971.

⁴¹ Среди ее работ: Сеньявская Е.С. Человек на войне. М., 1997. Она же. Психология войны в XX в. М., 1999; Она же. Сеньявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий//Военно-историческая антропология. М., 2006; Она же. Литература фронтового поколения как исторический источник//Отечественная история, 2002. №1. Она же. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны//Россия и Европа в XIX – XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996 и др.

⁴² Миронов В.В. Механизм адаптации фронтовиков к экстремальной обстановке в годы Первой мировой войны//Запад – Россия – Кавказ. Вып.2, Пятигорск, 2003.

⁴³ Жукова Л.В. Путь на войну. (Проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками русско-японской войны 1904-1905 гг.)//Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2006.

⁴⁴ Козлов С.А. Звуки войны// Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2006.

⁴⁵ Хмелевская Ю.Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии. Канд. дис. Пермь, 2000.

⁴⁶ Ее же. Британия в 1914-1918 гг.: инструментализация предвоенного социально-психологического опыта «немилитаристской» нации//Война и общество. Самара, 2004.

внимание на аспектах «гражданской жизни», которые способствовали адаптации представителей различных групп общества к военным условиям, индивидуальные реакции солдата интересовали ее в меньшей степени.

Таким образом, можно сделать вывод, что заявленная в данной работе тема не является широко исследованной, особенно среди отечественных ученых. Первая мировая война вызывала интерес в первую очередь как событие в политической, социальной и культурной сфере, но человек, как участник военных действий, избежал пристального внимания историков.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре Новой и новейшей истории стран Европы и Америки Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Основные положения и выводы работы отражены в журнальных публикациях (общим объемом 2 п.л.).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, источниковедческого очерка, обзора историографии, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. Главы подразделяются на параграфы по проблемно-хронологическому принципу. Подобная структура дает возможность последовательного и целенаправленного изучения различных аспектов темы диссертационной работы.

Во введении обосновывается актуальность, научная новизна и значимость исследования, формируются цель и задачи исследования. Особое внимание уделяется особенностям анализа использованных источников и степень изученности проблемы в зарубежной и отечественной исторической науке.

В первой главе «Дорога на фронт» рассматриваются усилия британской пропаганды и степень эффективности ее воздействия на население Великобритании, что определило активную позицию граждан: запись молодых людей призывного возраста добровольцами в ряды вооруженных сил и поддержку

войны со стороны общественности. Здесь анализируются образы, которые формировала пропаганда на основе традиций и основополагающих национальных ценностей и то, как они воспринимались будущими солдатами: что они считали наиболее важным, на основе чего формировалось их представление о войне, когда они уже стали солдатами, но еще не попали на фронт.

В годы Первой мировой войны британская пропаганда находилась на стадии зарождения, имея при этом достаточные ресурсы для ведения активных действий в этой сфере. Идеи и идеалы, провозглашенные пропагандистами и обретшие фактурность и привлекательность в выступлениях писателей и публицистов, получили визуальное воплощение в агитационных материалах: плакатах, открытках, карикатурах. Одним из наиболее эффективных методов стало общение со зрителями, предполагавшее личное донесение определенных идей до коллектива.

Войну удалось сделать привлекательной для населения. В 1914 г. совпали две важнейшие мотивации: внутренние устремления и ожидания общества. Молодое поколение хотело изменить мир, война казалась прекрасным способом это сделать. С этой точки зрения усилия, предпринятые правительством, можно считать действенными.

Романтический образ войны в большинстве случаев не разрушался до попадания на линию фронта и вступления в бой. Физические тяготы военной жизни в Великобритании не противоречили ему. Но нельзя сказать, что их морально-психологическое состояние не менялось за время обучения и собственно дороги на фронт. На него влияло множество факторов, в том числе и изменение места пребывания, «отрыв» от привычной жизни. За время пути менялось субъективное восприятие обоих измерений: пространства и времени, что негативно сказывалось на психической устойчивости бойцов. Первое понимание реальной обстановки появляется, когда воины сталкиваются со старослужащими и местными жителями, пребывание на тренировочной базе во Франции впервые показало новобранцам изменившийся мир, к которому им необходимо было адаптироваться.

Столкновение с реальностью определенно подтачивало уверенность в романтическом стереотипе войны, но не разрушало его полностью. На короткие промежутки времени несоответствие между ожидаемым и действительностью могло повлиять на энтузиазм солдат, но их уверенность в себе и справедливости войны была непоколебима. До вступления в бой они верили в образы и стереотипы, созданные пропагандой и свойственные гражданским лицам. Их морально-психологическое состояние характеризовалось энтузиазмом, жадой боя, намерением стойко переносить все невзгоды и сражаться до победы.

Во второй главе «Ужасы войны» анализируются условия жизни и боя солдат на Западном фронте во время Первой мировой войны, а также индивидуальная эмоциональная адаптация солдат к новым условиям. Тогда смерть стала привычным элементом жизни, изменилось отношение к религии, а психика начинала сдавать позиции под напором этих обстоятельств.

Война представляет собой пограничную ситуацию, она создает условия, в которых человек проявляет себя с той стороны, которая была неведома ему самому. Тяжелейшие физические и психологические нагрузки предполагают мобилизацию всех внутренних ресурсов в целях самосохранения. Первая мировая война требовала постоянного сохранения состояния повышенной готовности в течение очень долгого промежутка времени, что предполагало адаптацию участников конфликта к новым экстремальным условиям. В самих окопах солдаты существовали, повинувшись примитивным инстинктам (страх, голод, жажда), с постоянными физическими раздражителями, такими как оглушающие звуки, неожиданные вспышки, чрезвычайный холод, непереносимая боль. Жизнь в таких условиях максимально упрощалась, прежняя мотивация уходила на второй план. Но даже выработавшаяся привычка стойко переносить все тяготы не могла защитить от смертельной усталости, шальной пули и нервного срыва.

Ожидание боя, особенно в окопах во время артобстрела, было одним из самых тяжелых переживаний: оно воздействовало на физическом и психологическом уровне. В момент атаки солдат в определенной мере испытывал облегчение, потому что получал возможность действия. В этот момент «принятия решения», когда солдат делал шаг вперед, он как «удалялся» от поля боя,

становился сторонним наблюдателем, механически выполняя определенный набор действий, при этом окружающих он воспринимал, как тени или марионеток. Складывалось ощущение нереальности происходящего, но оно было недолговечным. Отстраненность сменялась животной агрессией, которая становилась защитной реакцией организма в экстремальной ситуации. Такое состояние характеризовалось обостренным восприятием (и в физиологическом, и в психологическом смыслах), поэтому солдат, в зависимости от обстоятельств, был способен как на героизм, так и на панику.

Энтузиазм добровольцев не выдержал, да и не мог выдержать, напора «ужасов войны». Условия жизни и условия боя кардинально отличались от того, что новобранцы ожидали от войны. Ее романтический образ разрушался при столкновении с суровой реальной, а не вымышленной «военной жизнью». При этом прежняя мотивация исчезала не одновременно, а постепенно, под «ударами войны». Первый шок вызывала дорога, затем окопная жизнь, первый бой, первая смерть и потеря друзей лишали его иллюзий о «справедливой и благородной войне», предлагая взамен фатализм, черный солдатский юмор и фронтовое братство.

Чем позитивней был изначальный настрой солдата, тем контрастней он воспринимал действительность, тем негативней было его отношение к ней. Война стала повседневностью, к которой нужно было привыкнуть. Поэтому бойцы думали о фронтовой жизни, как о буднях, пусть экстремальной, но типичной ситуации, требующей бытового отношения к ней.

Положение могла бы спасти религия, чья цель заключалась в спасении душ, но представители англиканской церкви чаще брали на себя роль пропагандистов, поэтому не нашли поддержки у военнослужащих.

Убитые и раненые были на фронте обычным делом. Причем солдатам приходилось бывать «по обе стороны баррикад»: как убивать, так и рисковать быть убитым. При этом, и убийство и смерть близких сильно отражаются на эмоциональном состоянии, являясь почти одинаковым по силе потрясением. И смерть проще переносилась пока оставалась безликой, независимо от того, был ли убитый союзником или противником.

Если нагрузка на психику была слишком велика, то она не выдерживала и «давала сбой». Такое состояние во время Первой мировой войны получило название «снарядного шока», а в психологии появился термин – военный невроз. Диагноз не был чисто медицинским, симптомы могли распознать и сами военнослужащие, как в отношении окружающих, так и самих себя. К «снарядному шоку» солдаты относились спокойно, признавая его существование и жалея заболевших. У самих пострадавших он считался постыдным заболеванием, который означал, что они «не справились».

В третьей главе ««Уроки выживания» - адаптация к условиям новой войны» британская армия в период Первой мировой войны рассматривается институт: анализируются динамические процессы, приводящие к изменению ее структуры и содержания. Также в главе прослеживается изменение отношения самих солдат к войне, что предполагает и изменение их мотивации.

Великая война была новой не только из-за своей масштабности, мощности орудий и позиционного развития. Технологии были важным, но не определяющим элементом ее «новизны». Впервые в мировом масштабе в сражение вступили не страны, а народы и идеологии. Человек по своему складу не сильно изменился по сравнению с XIX в., но внес кардинальные перемены в условия своего существования, не успевая «догонять» их.

Можно говорить о трех основных «типах» участников войны со стороны Британии: профессионалы, добровольцы, призывники. Они отличались отношением к войне, жизни, своему месту на передовой. Профессионалы выполняли свою работу, добровольцы – долг, а призывники – то, что их заставили делать. Но окопы Западного фронта оказались огромным «плавильным котлом», где переплавлялись идеалы, взгляды и ценности.

Война стала неожиданностью и для командования: высший офицерский состав не был готов воевать миллионными армиями в условиях позиционной войны. Это вызывало негативное отношение, которое не выразилось в открытой конфронтации (как в некоторых других империях), но война все больше отдаляла «верхи» и «низы», причем не только с точки зрения расстояния. Связующим

звеном между ними стал младший офицерский состав, который, впрочем, чаще принимал сторону рядовых.

В 1914 г. сотни тысяч мужчин рвались на фронт, выстаивая очереди в призывные пункты. Никогда еще набор в ряды вооруженных сил не был столь масштабным, никогда еще социальный состав добровольцев не был столь разнообразным. Британские экспедиционные силы впервые массово пополнились наиболее сознательными гражданами, представителями среднего класса и пролетариата. Солдаты Новой армии жили войной, для них это не было *работой*. Сама система образования полков и структура Новой армии отличались от традиционных. Переосмысливалась базовая для армии связь командир—подчиненный.

Основу Новой армии составляли гражданские по своей психологии солдаты, недостаточно мотивированные для психологической компенсации физических и душевных страданий, чей энтузиазм (если таковой был) быстро сменялся апатией, смирением, стоицизмом. Солдаты Первой мировой войны в большинстве своем сражались не за что-то, а вопреки всему: идеалам, убеждениям, принципам, здравому смыслу и инстинкту самосохранения. Они возвращались из госпиталей и отпусков на фронт ради товарищей, оставшихся в окопах, и воевали, потому что «так было надо». Сделать из них «Томми Аткинсонов» не удалось, но они перестали быть и «Джонами Булями».

Те, кто шел на войну вслед за друзьями и знакомыми, почти не изменили мотивацию пребывания на фронте — они по-прежнему хотели держаться вместе. Эти товарищества превращались в фронтовые братства, гораздо более близкие и родные, чем оставшиеся в тылу. Опасность сближала, солдаты говорили, что за пять минут в бою человека можно было узнать лучше, чем за пять лет в обычных обстоятельствах. Не находя родственных душ в Англии, бойцы стремились вернуться туда, где их понимали, при этом от всего сердца ненавидя войну во всех ее проявлениях. Единственной слабостью этого самого сильного из аргументов была статистика потерь. Целые батальоны уничтожались, полки и бригады стирались с лица земли, фронтовые братства постигала та же участь.

Добровольцы отправлялись на фронт отстаивать абстрактные идеалы – индивидуальные и национальные, те которые они считали неотъемлемой частью своего характера и своего народа. Но воевали они уже за другое – за друзей, близких, павших и потому, что так надо. Война не позволяла им глубоко задумываться над идейной составляющей, солдаты шли в бой за максимально конкретные, пусть и не вечные ценности.

По мере того, как война становилась все более «машиноподобной» борьбой на истощение, солдаты стали относиться к ней как к стихии, на которую они не могут оказывать никакого влияния, лишь сделать так, чтобы она принесла наименьший ущерб. При этом они сохраняли веру в себя и своих товарищей, категорически не принимая даже мысли о любом конце, кроме победного (поражение не вписывалось в их представления о себе, как нации) и не веря, что все жертвы могут оказаться напрасными.

В заключение содержатся выводы исследования.

Основные положения диссертации, которые выносятся на защиту.

Великобритания до 1914 г. не сталкивалась с проблемой мобилизации сотен тысяч граждан на войну. Всеобщая воинская повинность не была введена до 1916 г., поэтому перед правительством встала задача убедить население принять активное участие в конфликте на чужой территории. Для выполнения этой задачи пришлось осваивать новое поле деятельности – пропаганду. В экстренном порядке экспериментальным путем были созданы органы, отвечавшие за воздействие на умы и сердца жителей страны. Комплексное использование образов войны, Британской империи и ее жителей, «маленькой беззащитной Бельгии» и врага помогло решить эту задачу: в призывные пункты выстроились очереди из патриотически-настроенных молодых людей. Но не только патриотизм вел их на фронт, скорее нужды правительства и усилия пропаганды совпали с настроениями и устремлениями «застоявшейся» молодежи, мечтавшей о «большом приключении» и жаждавшей перемен. Общая тенденция развития цивилизации, ощущение «переломного момента» на рубеже веков привели к тому, что война показалась прекрасной возможностью «поучаствовать в чем-то великом». В одной из самых передовых стран Европы проживал один из самых консервативных

народов, предпочитавший эволюцию революциям и уже давно не испытывавший «встрясок» крупных международных конфликтов. Это мировосприятие стало основой для формирования устойчивых идеализированных образов войны и Британской империи, имеющих положительный оттенок, и образа врага, несущего мощный негативный заряд.

Стереотипные образы отличают первый «этап» представлений о войне, и характеризуются контрастностью, яркостью, повторяемостью и лаконичностью. Они максимально визуальны и несут с собой целый комплекс ассоциаций, связывающий их друг с другом и основополагающими ценностями общества. Такое представление сохраняется до столкновения с реальным «ликом войны» и какое-то время даже успешно борется с ним, позволяя сохранять прежнюю мотивацию для участия в конфликте.

Следующие факторы наиболее эффективно вытесняли пропагандистские стереотипы, а также способствовали адаптации солдат. **Во-первых**, на морально-психологическое состояние воинов всех стран влияли так называемые «ужасы войны»: условия жизни и условия боя. Уже по прибытии во Францию, солдаты испытывают определенный шок от увиденного, пребывание в окопах лишь усиливает его. Очевидно не вязались с романтическими представлениями о войне и «факторы боя»: длительная артподготовка, новые виды вооружений, увечья, напряженное ожидание, страх и паника. Физический дискомфорт солдаты переносили стойко, гораздо больше беспокойства вызывал дискомфорт психологический. Комплексное воздействие «ужасов войны» приводило к потере моральной системы координат. Несовпадение вымышленного образа и реального приводило к сомнению не только в созданных пропагандой имиджах, но и в ряде тех идеалов, на которых они базировались. Пропаганда работала лишь для гражданского населения, когда рекрут надевал форму, он переставал быть ее объектом, постепенно теряя все романтические идеалы, ради которых он шел воевать. Призывники же вовсе таковых не имели.

При столкновении стереотипов и реальности первые сохраняются в течение определенного времени (в зависимости от устойчивости созданного образа и при условии непротиворечивости его основообразующих элементов), но постепенно,

проходя через стадии шока, отрицания и разочарования, заменяются образом, построенным на воспринимаемой солдатами реальности, и трансформируется в более гибкое, отличающееся противоречивой эмоциональной окраской видение. Исходя из него, солдаты формируют свое отношение к войне в различных ее проявлениях.

Во-вторых, за морально-нравственное самочувствие солдат традиционно отвечают идеалы и религия. В Первую мировую войну они не справились с возложенной на них задачей: первое подменило равнодушие и ожидание конца войны, второе – мистика и суеверия. На эмоциональном уровне защитную функцию исполняют солдатский юмор и фатализм. Первый становился все более черным, по мере того, как солдаты становились все более циничными. Они умели радоваться малому, пародировать страшное и иронизировать над святым. Фатализм также характеризует специфическое отношение к существованию в военных условиях, но он скорее отражает восприятие не настоящего, а будущего. Проведя какое-то время на линии фронта, воины переставали гадать, какая именно из «решающих» битв станет последней, постепенно переставая воспринимать войну как антропогенный фактор: все события, даже самые незначительные, приписывались судьбе.

На физиологическом уровне защитные реакции предполагали снижение порога чувствительности. Человек начинал иначе реагировать на привычные раздражители, игнорируя их и или наоборот действуя на пределах выносливости, тогда, когда это необходимо для выживания. При этом осознание выполняемых действий приходило позднее, реакции были отработаны до автоматизма. Повседневная жизнь также упрощалась, потребности становились минимальными, во многих своих действиях солдаты начинали руководствоваться инстинктами. Когда «щит», построенный на этой трехуровневой защите, давал трещину, солдат мог получить «снарядный шок». Военный невроз стал одним из многих «открытий» Первой мировой войны. Позднее он получит признание, как медиков, так и армейских властей, но в то время он считался признаком слабости, причем у всех действующих лиц, включая обладателей этого диагноза.

В-третьих, адаптация к войне была не только индивидуальной, поэтому необходимо учитывать и социальную обстановку. Сам Экспедиционный корпус не был однородной структурой. Он менялся с течением времени и военных действий.

Британскую армию традиционно вели в бой не просто офицеры, а джентльмены, которые должны были быть примером для подражания для своих подчиненных. В 1914-1918 гг. высшие армейские чины не смогли стать таковыми, поскольку в большинстве случаев оказались далеки от солдат как географически, так и эмоционально. Статичная Первая мировая война не дала командующим мобильного Экспедиционного корпуса проявить свой профессионализм – как и штабы других стран-участниц, они не были готовы к позиционному конфликту. Поэтому настоящим примером и источником мужества стали менее обученные временные офицеры – «гражданские» офицеры для «гражданской» армии. Они разделяли с солдатами не только тяготы военной жизни, но во многом и их отношение к войне.

Впрочем, в армии не все отношения предполагают строгую институционализированную иерархию. Основным способом коллективной адаптации стало «фронтовое братство», в качестве мотивирующего фактора пришедшее на смену навязанным пропагандой образам. Иногда оно формировалось «сверху», с помощью офицеров. Товарищество «снизу» было гораздо более закрытой неформальной группировкой солдат в подразделениях, где офицеры были эмоционально далеки от подчиненных. Но в обоих случаях входившие в этот коллектив воины сражались за товарищей, в том числе и погибших, не допуская и мысли, что их жизни могут быть потеряны впустую. Тесные товарищества были своеобразными коммунами, где общим было как хорошее, так и плохое, там солдаты не чувствовали губительного на войне одиночества, всегда могли рассчитывать на помощь и понимание.

Война затронула не только прямых участников, но все общество в целом. Она меняла не только фронт, но и тыл, к сожалению, в разных направлениях. Война была основной темой для разговоров во время отпуска, только говорили о разной войне: солдаты опасались упоминать о настоящей, ими увиденной, а гражданские обожали рассуждать о вымышленной, созданной прессой. Первых раздражала

одержимость мирного населения, а последние не осознавали всю тяжесть конфликта, зачастую замыкаясь на собственных проблемах.

С течением времени менялось отношение солдат и к самой войне. При этом они и помыслить не могли о поражении, компромиссном мире. Они готовы были терпеть лишения, лишь бы их усилия не оказались напрасными. Воины не переставали верить в себя и свою страну, пусть она и была идеальным образом в их сознании или «переехала» в грязные окопы во Франции и Фландрии.

Таким образом, мы можем наблюдать два тесно переплетенных динамических процесса: адаптацию человека к войне и адаптацию армии. Первый предполагает изменение отношения индивида к войне, преодолевая весь диапазон: от энтузиазма в начале войны и до апатии и стоицизма ближе к концу. Второй выявляет изменение состава и содержания британских войск: профессионалы, добровольцы, призывники. Каждый из этих типов привнес в армию не только свои привычки и мотивации, но и свое отношение к войне. Поэтому эти две кривые неизбежно переплетались. Можно выделить несколько узловых моментов, где их совпадение по-новому определяло направление обоих процессов. После первой битвы у Ипра осенью 1914 г. Британия фактически лишилась профессиональных кадров, старые полки постепенно пополнялись добровольцами, старавшимися адаптироваться к «старым порядкам», но приносившим свое видение войны: для них она не была работой, они горели энтузиазмом. Постепенно их восторг притупляется, уступая место отношению, близкому, но не идентичному регулярным войскам.

В 1915 г. во Францию стягиваются «китченеровские полки». В Британский экспедиционный корпус вливаются новые по своему мировоззрению полки, у которых нет вековых традиций. Битва на Сомме (лето-осень 1916 г.) стала второй узловой точкой, задавшей направление обоим процессам: свой первый бой приняли новый войска, чье отношение к войне изменилось с энтузиазма до вынужденного принятия своего нового образа жизни, пройдя через шок, неверие, ярость и смирение. Армия же становится фактически гражданской по своему составу.

После 1916 г. на фронт прибывали уже призывники. Третья битва за Ипр (осень 1917 г.), ставшая третьим узловым моментом, была их первым крупным

полем боя, принесшим им, и не только им, разочарование и неверие в командование. Солдаты стали воспринимать войну, как нечто, неподвластное людям, их основным чувством стала апатия, сочетавшаяся со стойкостью, а неверие в скорое окончание конфликта не противоречило уверенности в будущей, пусть и очень отдаленной, победе и собственных силах. Эти парадоксальное отношение к войне позволило бойцам в основной массе сохранить устойчивое морально-психологическое состояние до окончания конфликта.

В 1914 г. многие будущие солдаты Первой мировой мечтали принять участие в чем-то великом. Их желание, по сути, сбылось: они стали участниками Великой войны, до сих пор носящей это название. Невиданная, чудовищная, она действительно изменила облик мира, доказав, что загадывать желания нужно с осторожностью: они могут исполниться. Она изменила не только общество, политику, экономику, идеи, отношение к жизни и смерти, войне и миру, она меняла самих солдат, которым теперь нужно было снова адаптироваться – но уже к изменившейся мирной жизни.

Публикации по теме диссертации:

Статьи в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. "Томми Аткинс" или "Джон Буль": особенности личного состава британской армии в 1914-1918 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2010. № 4. С. 72-84.
2. Художественный образ и реальность: «окопная жизнь» на западном фронте (1914-1918 гг.) в воспоминаниях солдат и романах писателей военного поколения. // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2011. № 4. (в печати).

Другие публикации:

3. Томми идет на войну: дорога английских солдат на фронт в 1915г. // Человек и война в XX веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г. М., 2007. С. 96-101.